

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Уже нѣсколько разъ на страницахъ «Пути» я писалъ о Львѣ Шестовѣ. Но сейчасъ есть потребность по иному сказать о немъ и почтить его память. Левъ Шестовъ былъ философомъ, который философствовалъ всемъ своимъ существомъ, для котораго философія была не академической спеціальностью, а дѣломъ жизни и смерти. Онъ былъ однодумъ. И поразительна была его независимость отъ окружающихъ теченій времени. Онъ искалъ Бога, искалъ освобожденія человѣка отъ власти необходимости. И это было его личной проблемой. Философія его принадлежала къ типу философіи экзистенціальной, т. е. не объективировала процесса познанія, не отрывала его отъ субъекта познанія, связывала его съ цѣлостной судьбой человѣка. Экзистенціальная философія означаетъ память объ экзистенціальности философствующаго субъекта, который вкладываетъ въ свою философію экзистенціальныи опытъ. Этотъ типъ философіи предполагаетъ, что тайна бытія постижима лишь въ человѣческомъ существованіи. Для Льва Шестова человѣческая трагедія, ужасы и страданія человѣческой жизни, переживаніе безнадежности были источникомъ философіи. Не нужно преувеличивать новизны того, что сейчасъ называютъ экзистенціальною философіей, благодаря нѣкоторымъ теченіямъ современной нѣмецкой философіи. Этотъ элементъ былъ у всѣхъ подлинныхъ и значительныхъ философовъ. Спиноза философствовалъ геометрическимъ методомъ и его философія можетъ производить впечатлѣніе холодной объективной философіи. Но философское познаніе было для него дѣломъ спасенія и его amor Dei intellectualis совсѣмъ не принадлежитъ къ объективнымъ наукообразнымъ истинамъ. Кстати, очень интересно было отношеніе Л. Шестова къ Спинозѣ. Спиноза былъ его врагомъ, съ которымъ онъ всю жизнь

боролся, какъ съ соблазномъ. Спиноза представитель чело-вѣческаго разума, разрушитель откровенія. И вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Шестовъ очень любилъ Спинозу, постоянно его вспоми-налъ, часто его цитировалъ. Въ послѣдніе годы у Л. Шестова произошла очень значительная встрѣча съ Киргегардтомъ. Онъ раньше никогда не читалъ его, зналъ лишь по наслышкѣ и не можетъ быть и рѣчи о вліяніи на его мысль Киргегардта. Когда онъ прочелъ его, то былъ глубоко взволнованъ, потрясенъ близостью Киргегардта къ основной темѣ его жизни. И онъ причислилъ Киргегардта къ своимъ героямъ. Его героями бы-ли Ницше, Достоевскій, Лютеръ, Паскаль и герои Библии — Авраамъ, Іовъ, Исаія. Какъ и у Киргегардта тема философіи Л. Шестова была религіозной, какъ и у Киргегардта главнымъ врагомъ его былъ Гегель. Онъ шелъ отъ Ницше къ Библии. И онъ все болѣе и болѣе обращался къ библейскому открове-нію. Конфликтъ библейскаго откровенія и греческой филосо-фіи сталъ основной темой его размышленій.

Л. Шестовъ подчинялъ основной темѣ своей жизни все, что онъ думалъ, что говорилъ и писалъ. Онъ могъ смотрѣть на міръ, производить оцѣнки мысли другихъ исключительно изнутри своей темы, онъ все къ ней относилъ и дѣлилъ міръ по отношенію къ этой темѣ. Онъ былъ потрясенъ этой темой. Какъ ее формулировать? Онъ былъ потрясенъ властью необ-ходимости надъ челоуѣческой жизнью, которая порождаетъ ужасы жизни. Его интересовали не грубыя формы необходи-мости, а формы утонченныя. Власть неотвратимой необходи-мости была идеализирована философами, какъ разумъ и мо-раль, какъ самоочевидныя и общеобязательныя истины. Не-обходимость порождена познаніемъ. Л. Шестовъ цѣликомъ за-хватывается той мыслью, что грѣхопаденіе связано съ позна-ніемъ, съ познаніемъ добра и зла. Человѣкъ пересталъ питать-ся отъ древа жизни и началъ питаться отъ древа познанія. И Л. Шестовъ борется противъ власти познанія, подчиняющаго челоуѣка закону, во имя освобожденія жизни. Это есть стра-стный порывъ къ раю, къ вольной райской жизни. Но рай до-стигается черезъ обостреніе конфликта, черезъ дисгармонію и безнадежность. Л. Шестовъ въ сущности совсѣмъ не противъ научнаго познанія, не противъ разума въ обыденной жизни. Не въ этомъ была его проблема. Онъ противъ претензій науки и разума рѣшать вопросъ о Богѣ, объ освобожденіи челоуѣка отъ трагическаго ужаса челоуѣческой судьбы, когда разумъ и ра-зумное познаніе хотятъ ограничить возможности. Богъ есть прежде всего неограниченныя возможности, это основное оп-редѣленіе Бога. Богъ не связанъ никакими необходимыми исти-нами. Человѣческая личность есть жертва необходимыхъ

истинъ, закона разума и морали, жертва универсального и общеобязательного.

Царству необходимости, царству разума :противостоить Богъ. Богъ ничѣмъ не связанъ, ничему не подчиненъ, для Бога все возможно. Тутъ Л. Шестовъ ставитъ проблему, которая беспокоила еще схоластическую средневѣковую философію. Подчиненъ ли Богъ разуму, истинѣ и добру, или истина и добро есть лишь то, что полагаетъ Богъ? Первая точка зрѣнія идетъ отъ Платона, на ней стоялъ Св. Фома Аквинатъ. Вторую точку зрѣнія защищалъ Дунсъ Скотъ. Первая точка зрѣнія связана съ интеллектуализмомъ, вторая съ волюнтаризмомъ. У Л. Шестова есть родство съ Дунсъ Скотомъ, но онъ ставитъ проблему гораздо радикальнѣе. Если есть Богъ, то раскрыты всѣ возможности, то истины разума перестаютъ быть неотвратимы и ужасы жизни побѣдимы. Тутъ мы прикасаемся къ самому главному въ шестовской темѣ. Съ этимъ связана та глубокая потрясенность, которая характеризуетъ всю мысль Шестова. Можетъ ли Богъ сдѣлать такъ, чтобы бывшее стало небывшимъ? Это наиболѣе непонятно для разума. Очень легко было невѣрно понять Л. Шестова. Отравленный Сократъ можетъ быть воскрешенъ, въ это вѣрятъ христіане, Киргегардтъ можетъ быть возвращена невѣста, Ницше можетъ быть излеченъ отъ ужасной болѣзни. Л. Шестовъ совсѣмъ не это хочетъ сказать. Богъ можетъ сдѣлать такъ, что Сократъ не былъ отравленъ, Киргегардтъ не лишился невѣсты, Ницше не заболѣлъ ужасной болѣзнию. Возможна абсолютная побѣда надъ той необходимостью, которую разумное познание налагаетъ на прошлое. Л. Шестова мучила неотвратимость прошлаго, мучилъ ужасъ однажды бывшаго.

Все съ той же темой о необходимой принуждающей истинѣ связано и противопоставленіе Іерусалима и Афинъ, противопоставленіе Авраама и Іова Сократу и Аристотелю. Когда разумъ, открытый греческой философіей, пытались соединить съ откровеніемъ, то происходило отступничество отъ вѣры, а это всегда дѣлало богословіе. Богъ Авраама, Исаака и Іакова подмѣнялся Богомъ богослововъ и философовъ. Филонъ былъ первымъ предателемъ. Богъ былъ подчиненъ разуму, необходимымъ, общеобязательнымъ истинамъ. Тогда Авраамъ, герой вѣры, погибъ. Л. Шестовъ очень близокъ Лютеру, лютеровскому спасенію одной вѣрой. Освобожденіе человѣка не можетъ прійти отъ него самого, а только отъ Бога. Богъ — освободитель. Освобождаетъ не разумъ, не мораль, не человѣческая активность, а вѣра. Вѣра означаетъ чудо для необходимыхъ истинъ разума. Горы сдвигаются съ мѣста. Вѣра требуетъ безумія. Это говоритъ уже Апостоль Павелъ. Вѣра утверж-

даетъ конфликтъ, парадоксъ, какъ любилъ говорить Кирге-гардтъ. Л. Шестовъ съ большимъ радикализмомъ выразилъ подлинно существующую и вѣчную проблему. Парадоксальность мысли, иронія, къ которой постоянно прибѣгалъ Л. Шестовъ въ своей манерѣ писать, мѣшали понимать его. Иногда его понимали, какъ разъ навыворотъ. Это случилось напримѣръ съ такимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, какъ Унамуно, который Л. Шестову очень сочувствовалъ.

Философская мысль Л. Шестова встрѣчала огромное затрудненіе въ своемъ выраженіи и это породило много недоразумѣній. Трудность была въ невыразимости словами того, что мыслилъ Л. Шестовъ объ основной темѣ своей жизни, невыразимости главнаго. Онъ чаще прибѣгалъ къ отрицательной формѣ выраженія и это болѣе ему удавалось. Ясно было противъ чего онъ ведетъ борьбу. Положительная же форма выраженія была болѣе затруднена. Человѣческій языкъ слишкомъ рационализованъ, слишкомъ приспособленъ къ мысли, порожденной уже грѣхопадениемъ — познаніемъ добра и зла. Мысль Л. Шестова, направленная противъ общеобязательности, невольно сама принимала форму общеобязательности. И это давало легкое оружіе въ руки критики. Мы тутъ стоимъ передъ очень глубокой и мало изслѣдованной проблемой сообщаемости творческой мысли другому. Сообщаемо ли самое первичное и самое послѣднее или только вторичное и переходное? Эта проблема по настоящему ставится экзистенціальной философійей. Для нея это есть проблема перехода отъ «я» къ «ты» въ подлинномъ общеніи. Для философій, которая себя почитаетъ рациональной, эта проблема не представляется безпокойной, вслѣдствіе допущенія универсальнаго разума. Одинъ и тотъ же универсальный разумъ дѣлаетъ возможнымъ адекватную передачу мысли и познанія отъ одного къ другому. Но въ дѣйствительности, разумъ ступененъ, разнокачественъ и зависитъ отъ характера человѣческаго существованія, отъ экзистенціального опыта. Воля опредѣляетъ характеръ разума. Поэтому ставится вопросъ о возможности передачи философской мысли не черезъ рациональное понятіе. Да и по настоящему рациональныя понятія не устанавливаютъ сообщенія отъ одного къ другому. Л. Шестовъ прямо не интересовался этой проблемой и не писалъ о ней, онъ былъ весь поглощенъ отношеніемъ человѣка и Бога, а не отношеніемъ человѣка и человѣка. Но его философія очень остро ставитъ эту проблему, онъ самъ становится проблемой философій. Противорѣчіе его было въ томъ, что онъ былъ философомъ, т. е. человѣкомъ мысли и познанія, и познавалъ трагедію человѣческаго существованія, отрицая познаніе. Онъ боролся противъ тираніи разума, про-

тивъ власти познанія, изгнавшаго человѣка изъ рая, на территоріи самого познанія, прибѣгая къ орудіямъ самого разума. Въ этомъ трудность философіи, которая хочетъ быть экзистенціальной. Въ обостреніи этой трудности я вижу заслугу Л. Шестова.

Л. Шестовъ боролся за личность, за индивидуально-неповторимое противъ власти общаго. Главнымъ врагомъ его былъ Гегель и гегелевскій универсальный духъ. Въ этомъ онъ родствененъ Киркегардту, родствененъ по темъ Фѣлиинскому, въ его письмахъ къ Боткину и особенно Достоевскому. Въ этой борьбѣ правда Л. Шестова. Въ этой борьбѣ противъ власти общеобязательнаго онъ былъ такъ радикаленъ, что вѣрное и спасительное для одного онъ считалъ не вѣрнымъ и не обязательнымъ для другого. Онъ въ сущности думалъ, что у каждаго человѣка есть своя личная истина. Но этимъ ставилась все та же проблема сообщаемости. Возможно ли сообщеніе между людьми на почвѣ истины откровенія или это сообщеніе возможно лишь на почвѣ истинъ разума, приспособленныхъ къ обыденности, на почвѣ того, что Л. Шестовъ вслѣдъ за Достоевскимъ называлъ «всѣмствомъ»?

До послѣднихъ дней жизни Льва Шестова, у него было горѣніе мысли, взволнованность и напряженность. Онъ явилъ побѣду духа надъ немощью тѣла. Быть можетъ лучшія его книги «Киркегардъ и экзистенціональная философія, и «Афины и Иерусалимъ, опытъ религиозной философіи» написаны имъ въ послѣдній періодъ его жизни. Сейчасъ не время критиковать философію моего стараго друга Льва Шестова. Одно лишь хотѣлъ бы я сказать. Я очень сочувствую проблематикѣ Льва Шестова и мнѣ близокъ мотивъ его борьбы противъ власти «общаго» надъ человѣческой жизнью. Но я всегда расходился съ нимъ въ оцѣнкѣ познанія, не въ немъ вижу я источникъ тяготящей надъ нашей жизнью необходимости. Только экзистенціальная философія можетъ объяснить, въ чемъ тутъ дѣло. Книги Л. Шестова помогаютъ дать отвѣтъ на основной вопросъ человѣческаго существованія, въ нихъ есть экзистенціальная значительность.

Николай Бердяевъ.